

РУССКИЕ ГОВОРЫ ПРИАМУРЬЯ: ОПЫТ ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

Одним из основных методов изучения говоров, наряду с описательным и лексикографическим, является лингвогеографический. Исследователями осуществлялось описание и лексикографирование русских говоров Приамурья, что отразилось в статьях, диссертациях [1] и в диалектном словаре [2]. Лингвогеографический подход к исследованию амурских говоров, насколько нам известно, не предпринимался. Вместе с тем функционирующие в настоящее время на территории Приамурья русские говоры выступают как интереснейший объект для лингвистического картографирования.

В отечественной диалектологии имеется богатый опыт лингвогеографического исследования русских говоров Европейской части России. Главным итогом этой работы стало создание ДАРЯ – Диалектологического атласа русского языка, три выпуска которого увидели свет в 1986, 1989 и 1996 гг. Атласы демонстрируют системный подход к диалектному языку и отражают многообразие междиалектных соответствий на фонетическом, морфологическом и лексическом уровнях системы диалекта. Их подготовка заняла достаточно продолжительное время: в 1945 г. была утверждена «Программа собирания сведений для диалектологического атласа русского языка», составленная под руководством Р.И.Аванесова, Б.А.Ларина и Ф.П.Филина, и затем, на протяжении почти 20 лет, десятки кафедр русского языка университетов, педагогических и учительских институтов планомерно под руководством Института русского языка АН СССР в центре Европейской части России собирали материал для готовящегося атласа [3, с. 4-9].

«Ввиду обширности территории распространения русского языка в РСФСР изучение его методами лингвогеографии в пределах всей этой территории, по крайней мере в качестве ближайшей задачи, явилось бы делом практически не осуществимым», – указывают авторы ДАРЯ во вступительной статье к нему [3, с. 5]. Это одна из причин ограничения территории картографирования при создании ДАРЯ. Другая причина – значительная неоднородность периферийных говоров России, находящихся за пределами центра ее Европейской части. На это также указывают авторы ДАРЯ: «...говоры на территории исконного заселения и на территории позднейшей колонизации представляют собой в значительной степени разные объекты картографирования» [3, с. 5].

На материале говоров территорий позднего заселения был создан атлас русских говоров Среднего и Нижнего Поволжья Л.И.Баранниковой, который опубликован в 2000 г. [4].

В настоящее время интерес к лингвистическому картографированию русских говоров не ослабевает по ряду причин: пополнение диалектных картотек новыми материалами, не отраженными на картах, возможность обработки имеющихся в распоряжении материалов с использованием компьютерных технологий, неудовлетворенность достигнутым. Так, в Институте русского языка им. В.В.Виноградова РАН (г.Москва) создается электронная версия ДАРЯ. Планомерная работа над Лексическим атласом русских народных говоров (ЛАРНГ) осуществляется в Институте лингвистических исследований РАН в Санкт-Петербурге.

Исследование амурских говоров методами лингвогеографии осуществляется и диалектологами Амурского государственного университета.

О специфике говоров Приамурья

Русские говоры Приамурья, или амурские русские говоры, начали формироваться в середине XIX в., когда по Амуру устанавливались казачьи станицы, выступавшие как форпосты на русско-китайской границе. Первопоселенцами края традиционно считаются забайкальские казаки, чей говор имел севернорусскую основу. Позднее амурское казачество по-

полнилось казаками с юга России, говоры которых имели иную диалектную основу. Укреплению позиции России на Дальнем Востоке способствовало массовое крестьянское переселение из Европейской части страны, Украины и Белоруссии в конце XIX – начале XX века. Говоры именно этих переселенцев оказали значительное влияние на формирование и качественные характеристики русских говоров Приамурья. Вторая переселенческая волна из южнорусских районов, а также из Украины и Белоруссии пришлась на 50-60-е гг. XX века и усилила своим присутствием южнорусскую и малорусскую ноту в диалектном многоголосье Приамурья.

Исследователь амурских говоров и фольклора начала XX века А.П.Георгиевский в 1928 г. отмечает исключительную пестроту дальневосточного диалектного ландшафта: «Трудно отыскать такой район, в котором на значительном протяжении и в большом числе населенных пунктов можно было бы встретить тип одного цельного говора. Везде комбинированные, смешанные говоры, и если можно говорить о каких-либо господствующих, то только как господствующих сравнительно» [5, с. 15]. В 1930 г. А.П.Георгиевский в работе «Говоры Приамурья» выделил основные подгруппы амурских говоров: русские говоры старожильческие и новосельческие, особо – казачьи говоры, украинские говоры, белорусские говоры, смешанные говоры и говоры старообрядцев-семейцев [6, с. 100].

Эту языковую ситуацию взаимодействия говоров разных восточнославянских языков на одной территории можно обозначить как исходную, данную.

В современном Приамурье и, полагаем, на других дальневосточных территориях, разнодиалектный материал наблюдается повсеместно. И это, с одной стороны, делает привлекательной идею отразить имеющееся диалектное разнообразие на карте, а с другой стороны, ставит вопрос о целесообразности лингвистического картографирования и заставляет усомниться в возможности создания диалектологического атласа говоров, распространенных на территориях позднего заселения.

Термин «говоры территорий позднего заселения» используется «для обозначения говоров территорий, вошедших в состав Русского государства сравнительно поздно, в основном в период после XVI-XVIII веков или уже в период XVIII – XIX веков. В европейской части России к территориям позднего заселения относятся, например, районы Среднего и Нижнего Поволжья. Широко представлены эти говоры в Сибири» [7, с. 81] и, добавим, на Дальнем Востоке.

О необходимости картографировать говоры территорий позднего заселения

Существует точка зрения, согласно которой картографировать говоры территорий позднего заселения не имеет смысла в силу их пестроты. Однако существует и другой взгляд на проблему. Так, Л.И.Баранникова считала, что широкая представленность этого типа говоров уже «определяет актуальность разработки проблемы их описания и картографирования» [7]. Она была убеждена в том, что лингвистическое картографирование территорий позднего заселения возможно и необходимо, но требует особой методики, позволяющей «приемами лингвогеографии исследовать, во-первых, говоры более сложного состава, характеризующиеся повышенной вариативностью, сосуществованием разнотерриториальных черт в рамках одного говора; во-вторых, разные по типу говоры, сосуществующие в непосредственном соседстве, а часто в одном и том же пункте; в-третьих, отношения между сосуществующими разнодиалектными элементами, с точки зрения их места в системе говора (иносистемные вкрапления или этапы изменения, перестройки данной системы), особенностей функционирования (закономерные или «случайные»), частотные или нет, позиционно обусловленные или «свободные» варианты) и т.д.» [8, с. 4]. Ее теоретические предположения нашли практическое отражение в упомянутом выше атласе [4], а также в разработанном под ее руководством и с ее участием новом типе диалектологического атласа русского языка – таблично-числового на материале говоров территорий позднего заселения [7].

* См. указание на это в [8, с. 3], скептическое отношение к возможности применения лингвогеографического метода в изучении говоров территорий позднего заселения высказывалось и в дискуссии на Международной конференции «Актуальные проблемы русской диалектологии» (Москва-Звенигород, 2006), в частности, С.К.Пожарицкой.

Понимая всю сложность проблемы, мы предприняли попытку обследования местных говоров с использованием методик лингвогеографии.

Мы полагаем, что амурские говоры, сложившиеся в результате взаимодействия русских говоров с разной диалектной основой, а также с говорами украинского и белорусского языков, обладают собственной спецификой по сравнению со вторичными говорами западных регионов России. Лингвогеографический аспект в изучении русских говоров Приамурья способствует системному отражению этой специфики.

С 2003 г. сбор диалектного материала в селах Амурской области осуществлялся по «Программе собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» [9]. Всего за период 2003-2006 гг. было обследовано 28 сел. Работа по «Программе...» в указанный отрезок времени носила пробный характер и была рассчитана на выявление общей картины состояния современных говоров Приамурья. Кроме того, представлялось важным уяснить, насколько целесообразно изучение вторичных говоров лингвогеографическими методами, ведь пестрота диалектного ландшафта Амурской области очевидна. Конечной же целью работы по «Программе...» является установление ареала распространения и пределов варьирования того или иного диалектного явления на уровне лексики, фонетики, морфологии и синтаксиса, а также выявление доминирующего варианта в пределах одного говора. Вопросы «Программы...» для обследования амурских говоров были взяты выборочно, предпочтение отдано тем, которые способствуют идентификации материнского говора по совокупности диалектных черт в говоре вторичного образования. Всего в работе был задействован 41 вопрос из вопросника «Программы...», в т.ч. 21 вопрос по фонетике, 8 вопросов по морфологии и 12 вопросов по лексике.

Методика обработки материала

Результаты обследования говоров по «Программе...» заносятся в таблицы, которые фиксируют все обнаруженные в пределах населенного пункта варианты того или иного диалектного явления, при этом выделяется доминирующий. Доминирующим вариантом считается наиболее частотный. В таблице он подается первым в общем ряду или как единственный в том случае, если другие варианты не были зафиксированы. Недоминирующие, менее частотные диалектные варианты отмечаются в таблице вслед за доминирующими, и к ним, по возможности, даются комментарии, объясняющие происхождение варианта или указывающие на особенности его реализации в говоре. В ряду диалектные варианты располагаются по степени их частотности: от более частотных к менее частотным. Единично встретившиеся варианты сопровождаются указанием на это в скобках.

Покажем на примере таблицы по итогам экспедиции 2006 г. результаты такого обследования.

Краткая характеристика сел

Экспедиция 2006 г. проходила в Белогорском районе Амурской области.

В таблицах представлена информация по селам Светиловка, Комиссаровка, Великокнязевка.

Село Светиловка образовано в 1896 г. переселенцами из Малороссии (Украины), из Полтавской губернии Кременчугского уезда. Называется так же, как и украинское село, из которого приехали первопоселенцы. Расположено на левом берегу реки Томь, притока Зеи, окружено многочисленными озерами. Находится в 34 км от районного центра. Численность населения – свыше 500 человек. Проживают в селе русские, украинцы. В селе есть школа.

Село Комиссаровка находится в 55 км от райцентра в долине реки Зея на правом берегу реки Белая. Первоначально село называлось Калягино. Население около 200 чел. (на 01.01.2005 г. – 178 чел.). В начале XX века – в 1926 г. – население села составляло 1345 чел. и было самым большим в Белогорском районе. В селе проживают потомки переселенцев из Украины, Рязанской и Московской областей.

Село Великокнязевка находится в 60 км от райцентра на берегу протоки реки Зея. По официальной версии, образовано в 1909-1910 гг. По мнению жителей села, год его образования – 1898. Называлось оно тогда Великая Княжевка, а современное название село получило

в 1910 г. Названо так честь великого князя Константина Александровича Романова, который разрешил поселиться здесь переселенцам из Украины, чему, по мнению местных жителей, противились Андреевские староверы, обосновавшиеся на этих землях ранее. Для разрешения спора к великому князю были отправлены ходоки, вернувшиеся с долгожданным разрешением на поселение.

В настоящее время в селе Великокнязевка проживают представители разных национальностей: русские, украинцы, белорусы, татары, мордва, чуваша, грузины, осетины, корейцы, китайцы. Население составляет более 1 тысячи чел. (на 01.01.2005 г. – 1156 чел.). В селе есть школа. Село граничит с другим селом – Новоандреевкой, основаным старообрядцами из Забайкалья в 1886 г.

Основные занятия жителей названных сел – сельское хозяйство, животноводство, рыболовство.

При записи диалектного материала предпочтение отдавалось людям более старшего возраста, большинство из которых является представителями типа Д – диалектного, по классификации Л.М. Орлова [12, с. 46]. Отметим, что представителей этого типа все меньше, преобладающим среди современных информантов является тип С – смешанный (в их речи сочетаются диалектные и литературные черты).

Всего за время экспедиции сделаны записи речи от 81 информанта названных сел, из них 5 чел. (4 %) рождены в 10-е гг. XX века, 26 чел. (21 %) – в 20-е гг., 31 чел. (25 %) – в 30-е гг., 14 чел. (12 %) – в 40-е гг., 5 чел. (4 %) – в 50-е гг., 2 чел. (около 2 %) – в 80-е гг. и 1 чел. (менее 1 %) – в 90-е гг.

При лингвогеографическом изучении говоров, в том числе говоров территорий позднего заселения, учет социальных характеристик представителей диалектной формы языка необходим: анализ речи диалектоносителей, принадлежащих одному говору, но различающихся своими социальными характеристиками, дает разный материал для составителя диалектологического атласа, и этот материал, с одной стороны, показывает тенденцию развития того или иного диалектного явления в говорах вторичного образования, а с другой стороны, демонстрирует исключительную устойчивость отдельных черт диалектного языка.

Далее см. таблицу.

Комментарии к таблице

1. Мы наблюдаем **многообразие фонетических, морфологических, словообразовательных вариантов**, реализуемых в одном населенном пункте, а также развитую синонимию. Часто это свидетельствует о том, что в пределах одного села сосуществуют и функционируют несколько говоров. Экстралингвистической причиной выраженной диалектной многовариантности является пестрый состав переселенцев, образовавших амурские села и изначально представлявших разные типы русских говоров и говоров украинского и белорусского языков. Кроме того, для дальневосточного региона характерна внутренняя миграция, которая тоже привела к диалектной неоднородности и многовариантности.

См., например, вопр. 3: *диревня, деревня, дяревня*; вопр. 29: *ходят, ходют, ходють*; вопр. 31: *зыбка, люлька, колыска, качка, колыбель и др.*

2. Нами отмечено то, что **доминирующим вариантом в современных амурских говорах часто является тот, который совпадает с литературным** вариантом русского языка (см. вопр. 1: *вада, вода, вьда*; вопр. 27: *у меня, у мене, тебе, у тебе, табе, себе, собе*; вопр. 34: *цыплята, цыпушки, цыпики* и др.).

В некоторых случаях неизвестен никакой другой вариант, кроме совпадающего с литературным (см. вопрос 36: *радуга*).

Полагаем, что это отражает общую тенденцию развития говоров под воздействием литературного языка как основной формы языкового существования в современном обществе. Безусловно, это связано с тем, что современные жители сел получали образование, как минимум учились в школе, где прививалась литературная норма, а диалектная оценивалась как некультурная, низшая, непрестижная, что постепенно ослабляло позиции диалектного языка и способствовало вытеснению его литературной речью. Кроме того, закрепление литератур-

ного варианта в речи диалектоносителя происходит вследствие его постоянного нахождения под воздействием средств массовой информации, прежде всего радио и телевидения, ориентированных на литературный стандарт.

3. В ряде случаев в говорах мы наблюдаем **серьезную конкуренцию между собственно диалектным вариантом и вариантом, совпадающим с литературным** (см. вопр. 15: *сарахван, сарахфан* и *сарафан* при доминирующем *сарахван* в Великокнязевке и *сарафан* и *сарахван* при доминирующем *сарафан* в Светиловке, и *сарахван* и *сарахфан* в Комиссаровке).

4. Как показывают данные таблиц, среди зафиксированных в амурских говорах диалектных **вариантов и синонимов отмечены разные по своему происхождению, но в первую очередь, это совпадающие с южнорусскими** и малоросскими (см., *зозуля, кочет, сарахван, колыска, ходют* и мн. др).

Разнодиалектные явления могут встречаться в речи одного и того же информанта (см., например, записи речи Савченко М.С., с. Светиловка) [10].

Показательно в этом отношении высказывание обрусевшего белоруса, родившегося в 1923 г. в Приамурье в семье переселенцев из Белоруссии: «*Картошка, бульба, какая разница... Как назову, так и пойдет*» [11, с. 69].

То же можно сказать и о синонимах-дублетах, которые могут использоваться в речи одного информанта безотносительно к ситуации или другим экстралингвистическим и собственно лингвистическим факторам. Тем не менее все же прослеживается тенденция к вытеснению собственно диалектного варианта общелитературным. Так, жительница с. Великокнязевка Белогорского района Антошук Л.С., 1935 г.р., родители которой были переселенцами из Украины, знает слово *зозуля*, и упоминание об этом слове заставляет ее вспомнить события собственной жизни, связанные с народной приметой, где главным персонажем выступает кукушка – *зозуля*: по примете, появившаяся в неожиданном месте *зозуля* определяет дальнейшее течение жизни, выступает как дурное предзнаменование. Попутно наша информантка высказывает мысль о том, что это слово *зозуля* сейчас не все помнят и говорят *кукушка* [10]. Таким образом, лексема *зозуля* известна, но употребляется пассивно, и, несмотря на пассивное функционирование, в сознании диалектоносителя остается включенной в соответствующий этнокультурный контекст.

5. По данным таблиц можно судить **о подвижности лексики говора**, обусловленной тем, что многие лексические единицы устаревают и уходят из сферы активного бытового употребления в область воспоминаний (*зипун, ичиги, свита* и т.д.), а новые реалии (в нашем случае названия верхней мужской и женской одежды) обозначаются лексическими единицами, заимствованными из литературного языка (*костюм, пиджак, туфли* и др.).

О том же свидетельствует пополнение диалектных синонимических рядов заимствованиями из литературного языка. Так, например, в синонимическом ряду слов, обозначающих колыбель (*зыбка, люлька, колыска, качка, колыбель*), появляется слово *кроватька* (см. вопр. 31).

6. Таблицы показывают и консервативные участки диалектной системы в говорах обследованных сел. В ряде случаев наблюдается **доминирование диалектного варианта** среди прочих (см., напр., вопр. 18: употребление варианта *вострый* является более распространенным, чем варианта *острый*; вопр. 25: стяженные формы прилагательных преобладают, напр., *молода, чиста, хороша*; вопр.26: *коуо* употребляется в обследованных говорах чаще, чем *ково*; вопр. 30: диалектное *хата* для наименования жилища используется чаще, чем общенародное *дом*).

Интересным фактом следует считать функционирование в говорах диалектной формы, отсутствующей в литературном языке – звательной формы (см. вопр. 24: *сынку, сыне, сестрице*). Сохранности данного участка диалектной системы во вторичных говорах способствует необходимость обозначения в говоре данного фрагмента системы.

Возникает вопрос о возможных способах отражения представленного материала на карте.

Изоглосса как линия на лингвистической карте, ограничивающая территорию распространения того или иного языкового явления, вряд ли возможна на карте, отражающей факты современного состояния говоров территорий позднего заселения: при картографировании таких территорий возникнут многочисленные наложения изоглосс, показывающие сосуществование разных членов междиалектного соответствия на одной территории. Поэтому как приемлемый способ обозначения распространения того или иного диалектного явления в наших говорах, на наш взгляд, следует рассматривать значковый способ. Он предпринят и в указанном выше «Атласе русских говоров Среднего и Нижнего Поволжья» Л.И.Баранниковой и других современных работах, затрагивающих лингвогеографический аспект при рассмотрении языковых фактов.

В результате картографирования диалектных явлений амурских говоров значковым способом мы наблюдаем концентрацию в одном населенном пункте разнодиалектных явлений, и это будет проявляться как правило, в большинстве случаев. Априори возьмем на себя смелость утверждать, что такое положение дел будет принципиально отличать русские говоры территорий позднего заселения на европейской части России от подобного типа говоров на дальневосточных территориях: в «европейском» варианте, судя по картам Л.И.Баранниковой, опубликованным в «Атласе русских говоров Среднего и Нижнего Поволжья...», все же возможно во многих случаях обозначить лингвистический ареал, пусть и островного характера. В амурских говорах, располагающихся в дальневосточном регионе России, возможность существования четко ограниченного лингвистического ареала, показывающего территорию распространения какого-либо междиалектного соответствия, не исключается. Однако наличие такового будет скорее отступлением от общего правила. Причин тому будет несколько. Во-первых, удаленность русских говоров Дальнего Востока, в том числе амурских, от материнских говоров, которые в европейской части России как бы выполняют функцию «магнитного поля» на прилежащих к ним территориях и способствуют более длительному сохранению своего, материнского, варианта из ряда разнодиалектных явлений (см., например карты № 3 «Типы безударного вокализма в позиции после твердых согласных», № 14 «Стяжение в окончаниях прилагательных», № 17 «Окончания глаголов 3 лица ед. числа» и др. [4, с. 32-33, 54-55, 60-61], показывающие «магнетизм» материнских говоров по отношению к говорам территорий позднего заселения на европейской территории России). Во-вторых, большая пестрота состава носителей амурских говоров и русских говоров Дальнего Востока в целом, явившаяся следствием неоднократных массовых переселений из европейской части России, Украины, Белоруссии, а также внутрирегиональные миграции, приведшие и к значительной пестроте диалектного ландшафта.

Интересен и приемлем для лингвистического картографирования говоров территорий позднего населения на Дальнем Востоке и в Приамурье, в частности, таблично-числовой способ отражения диалектного материала, продуктивность которого обосновала и показала Л.И.Баранникова [7, с. 82].

Выводы

При всей ярко выраженной диалектной неоднородности говоров Приамурья, сохранившейся на протяжении более чем вековой их истории, в настоящее время по совокупности диалектных черт мы определяем их как русские говоры переходного типа, сформировавшиеся в условиях контакта разных говоров русского, украинского и белорусского языков на территориях позднего заселения, и такой вывод вполне подтверждается опытом исследования их лингвогеографическим методом. Необходимость лингвогеографического исследования русских говоров территорий позднего заселения, в частности говоров Дальнего Востока и амурских говоров, в частности, связана еще и с тем, что, являясь частью русской диалектной системы, эти говоры показывают ее состояние и тенденции развития в новых условиях, что имеет непосредственное отношение к истории русских диалектов в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. См. работы Л.В.Кирпиковой, Ф.П.Ивановой, О.Ю.Галуза, Н.П.Шенкевец, Е.А.Оглезневой, Н.Г.Архиповой, Н.В.Лагута и некот др.

2. Словарь русских говоров Приамурья. М: Наука, 1983.
3. Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. В трех выпусках. Вып.1. Вступительные статьи. Справочные материалы. Фонетика. М., 1986.
4. Баранникова Л.И. Атлас русских говоров Среднего и Нижнего Поволжья. Саратов, Изд-во Саратов. ун-та, 2000.
5. Георгиевский А.П. Русские говоры на Дальнем Востоке // Русские говоры Приморья. Вып.3. Владивосток, 1928.
6. Цит. по: Кирпикова Л.В. Первые исследователи говоров Приамурья // Записки Амурского областного краеведческого музея и общества краеведов. Благовещенск, 1992.
7. Баранникова Л.И. Опыт составления таблично-числового диалектологического атласа русского языка на материале говоров территорий позднего заселения // Аванесовский сборник: К 100-летию со дня рождения чл.-кор. Р.И.Аванесова. Ин-т рус. яз. им. В.В.Виноградова РАН. М.: Наука, 2003.
8. Баранникова Л.И. Говоры территорий позднего заселения и проблема методов их изучения // Проблемы изучения русских говоров вторичного образования. Кемерово, 1983.
9. Программа собирания сведений для диалектологического атласа русского языка. М. – Л., 1947.
10. Фоноархив лаборатории региональной лингвистики Амурского государственного университета. Материалы 2006 г.
11. Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 2. Речевые портреты. Речевые жанры. Словарь. Язык фольклора / Под ред. Е.А.Оглезневой, Н.Г.Архиповой. Благовещенск: АмГУ, 2005.
12. Цит. по: Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М.: Наука, 1989.